

— Не знаю. Плантація моего отца находится въ довольно пустынной мѣстности острова. Не думаю, чтобы онъ былъ очень коротокъ съ сосѣдними плантаторами, а когда я уѣзжалъ оттуда ребенкомъ, у меня было еще меньше друзей, чѣмъ здѣсь. Но у меня тамъ будетъ пропасть занятій, пока я ознакомлюсь съ дѣломъ, какъ отецъ, повидимому, желаетъ.

— Онъ прежде не располагалъ имѣть васъ при себѣ?

— Онъ сначала желалъ, чтобы я занялся адвокатурой въ Коломбо, но это было вскорѣ послѣ того какъ я кончилъ курсъ, и тогда я предпочелъ попытать счастья въ Англіи. Я вѣдь второй сынъ, и пока былъ живъ мой старшій братъ Джонъ, меня предоставляли на произволъ судьбы. Вы знаете, что я уже разъ ѣздилъ въ Коломбо, но не могъ поладить съ отцомъ. Теперь же онъ боленъ, а бѣдный Джонъ умеръ отъ дисентеріи и онъ—одинъ, а такъ какъ у меня тутъ нѣтъ никакой практики, то мнѣ неловко отказаться пріѣхать къ нему. Къ тому же меня ничто здѣсь не удерживаетъ.

Они шли черезъ Ротенъ-Роу, когда Гольройдъ говорилъ это. Вечеръ уже почти наступилъ; небо стало свѣтло-зеленое; изъ южнаго Кенсингтона донесся звонъ колокола, призывавшаго къ вечернѣ.

— Не напоминаетъ вамъ этотъ колоколъ кембриджскія времена? — спросилъ Маркъ. — Мнѣ представляется будто мы идемъ послѣ рѣчной гонки и это звонитъ колоколъ нашей церкви.

— Я бы желалъ, чтобы это было такъ, — отвѣчалъ Гольройдъ со вздохомъ: — въ то время хорошо жилось, и оно никогда не воротится.

— Вы въ очень уныломъ настроеніи духа для человѣка, возвращающагося на родину.

— Ахъ! я, видите ли, не чувствую, чтобы это была моя родина. Да и меня никто тамъ не знаетъ, за исключеніемъ моего бѣднаго старика отца; мы тамъ почти какъ иностранцы. Я оставляю здѣсь тѣхъ немногихъ людей, которые мнѣ дороги.

— О! все навѣрное устроится, — разсуждалъ Маркъ съ тѣмъ оптимизмомъ, съ какимъ мы относимся къ чужой будущности. — Вы навѣрное разбогатѣете и скоро станете или богатымъ плантаторомъ, или выборнымъ судьей. Тамъ всякій долженъ составить карьеру. И друзей вы тамъ легче пріобрѣтете, нежели здѣсь.

— Я бы желалъ сохранить тѣхъ, которые у меня уже есть, — отвѣчалъ Гольройдъ, — но, очевидно, надо покориться судьбѣ.

Они дошли до конца Ротенъ-Роу; ворота Кенсингтонскихъ садовъ были заперты, и стоявшій позади рѣшетки полисменъ